

Наследному принцу нужно повзрослеть и стать жестким. Но до того дня, пока это не наступит, пусть он защищает наследника, пусть даже самым трудным способом.

— Цзиньюй, может, рискнешь?

— Му-эр, ставка слишком велика...

— Нет, не велика. В худшем случае император снова разочаруется в тебе и отправит в Холодный дворец.

— Но...

— И что с того? Мы сможем придумать что-то еще.

— Но... но ты... — Тан Цзиньюй хотел сказать: «А что будет с тобой? всю жизнь быть спутником непризнанного принца?» Он мог бы вынести презрение всего мира, он мог бы страдать от угрызений совести, но Тан Му не должен страдать.

— Ничего, босой не боится обуви! В крайнем случае начнем все сначала.

— Му-эр... — Тан Цзиньюй приподнялся, глядя на Тан Му, и проклинал себя за свою слабость. Почему он не может быть сильнее? Зачем он говорит Му-эр все это...

— На этот раз, если ты действительно осудишь Цзян Лоу, ты будешь мучиться угрызениями совести всю жизнь. Я предпочел бы, чтобы ты был непризнанным наследным принцем всю жизнь, чем императором, который всю жизнь будет страдать от мук совести. Ты знаешь, я всегда буду с тобой, так что не волнуйся.

— Му... Му-эр...

— Ладно, глупыш, — Тан Му потрепал наследного принца по волосам. — Даже если все отвернутся от тебя, я буду с тобой. Даже если придется отправиться в ад, я буду с тобой.

Тан Цзиньюй на мгновение потерялся, не зная, как выразить свои чувства. Глядя на Тан Му в своих объятиях, он слегка наклонился и поцеловал его в лоб.

Тан Му, не ожидая этого, широко раскрыл глаза от удивления.

Тан Цзиньюй, увидев его реакцию, не смог сдержать улыбки:

— Я пойду напишу доклад, чтобы отправили его в столицу ночью. Ты спи.

С этими словами он встал с кровати.

Тан Му с удивлением наблюдал, как Тан Цзиньюй выходит из комнаты.

Они уже находились на пути обратно в столицу, и этой ночью остановились в придорожной гостинице. В последние дни состояние Тан Цзиньюя было нестабильным, и Тан Му естественно оставался с ним.

В эти ночи Тан Цзиньюй спал беспокойно, и он знал это. Сегодня, вероятно, ему было действительно плохо, поэтому он и сказал все это.

Сам Тан Му в последние дни смотрел на него с болью в сердце, иначе он бы не говорил таких

сентиментальных вещей...

Тан Му потрогал свой лоб, лицо его покраснело. У него не было времени на размышления, голова была полна мыслей: что же сегодня произошло?!

Тан Цзиньюй в конце концов решил написать доклад, изложив все произошедшее, и сразу же приказал освободить Цзян Лоу.

Одновременно он отправил письмо управляющему. Он знал, что этим шагом он немного подвел управляющего, ведь тот возлагал на него все свои надежды. Тан Цзиньюй внутренне поклялся, что в будущем, даже ценой своей жизни, он отомстит за управляющего. На этот раз он был виноват перед ним.

Закончив все дела, Тан Цзиньюй вернулся и снова обнял Тан Му. Правда, Тан Му некоторое время сопротивлялся.

В конце концов, они оба заснули в объятиях друг друга.

С другой стороны, Тан Янь с радостью снял оковы с Цзян Лоу.

На самом деле, с Цзян Лоу в последние дни хорошо обращались. Его сопровождали императорские гвардейцы, а их начальником был Тан Янь. Тан Янь, естественно, не стал бы его обижать.

Услышав новость о том, что дело Цзян Лоу будет пересмотрено, Тан Янь чуть ли не подпрыгнул от радости.

Первый доклад успешно перехватил Жэнь Цзышань. Посыльного он связал. Когда наследный принц получил письмо и написал новый доклад, чтобы отправить его, он отпустил его.

Но, как ни торопились, они все равно опоздали.

Посыльный, отправленный управляющим, и люди наследного принца разминулись. Наследный принц с Цзян Лоу уже въехал в столицу.

Перед входом во дворец наследный принц почувствовал, что что-то летит в его сторону. Он протянул руку и поймал бумажный шарик. Тан Цзиньюй знал, что это бросил Жэнь Цзышань.

Жэнь Цзышань, чтобы тренировать его реакцию, часто бросал в него разные предметы, целясь в переносицу или лоб. Иногда, когда он был с Тан Му, Жэнь Цзышань бросал прямо в переносицу Тан Му. У Тан Му с рождения было слабое здоровье, и тренироваться ему было трудно, поэтому его реакция была плохой. Каждый раз, когда его ударяли, он кричал от боли, и Тан Цзиньюй не мог сдержать своего волнения.

Он всегда был настороже. Со временем это развило реакцию наследного принца.

Тан Цзиньюй спрятал записку в рукаве, намереваясь открыть ее позже, но, к своему удивлению, рядом всегда были люди, и он так и не смог этого сделать.

Император не стал разбирать это дело на утреннем совете. После совета он вызвал Тан Цзиньюя в свой кабинет.

— Твой доклад прибыл только вчера вечером, а ты уже вернулся в столицу. Ты писал его в дороге?

— ...Да, — Тан Цзиньюй удивился. Должен был быть еще один доклад, но император не упомянул его. Видимо, не видел? Что происходит?

— Что ты хотел сказать этим докладом?

— Сын, после проведенного расследования считает, что в этом деле есть нечто странное.

— О, расскажи.

— Отец, в городе Наньчэн я видел, что народ живет в мире и благополучии, и нет никаких проблем. Более того, жители Наньчэна хвалят господина Цзяна. Сын считает, что дело о жалобе следует рассмотреть более тщательно, — Тан Цзиньюй стоял, сердце его колотилось.

— Хм, продолжай.

— Я также обнаружил, что кто-то занимается контрабандой соли, и, насколько мне известно, господин Цзян был оклеветан именно из-за расследования этого дела.

— Оклеветан? Кем?

— Тем, кто стоит за жалобой.

— Что ты обнаружил?

— Сын... ничего не обнаружил, — Тан Цзиньюй замолчал, ожидая, что император разразится гневом или отчитает его.

Но император ничего не сказал, словно ждал, что он продолжит.

Тан Цзиньюй удивился. Реакция отца... была необычной.

Он продолжил:

— Хотя я ничего не обнаружил, я готов поверить господину Цзяну.

— Почему ты ему веришь?

— Я верю народу Наньчэна.

Император молчал.

Тан Цзиньюй почувствовал еще большее беспокойство. Это было не так. В теории, если он так сильно поддерживает семью Цзян, реакция отца должна была быть другой...

Мозг Тан Цзиньюя работал на полную мощность.

С самого начала жалобы, до того, как император отправил его, до всего, что произошло в Наньчэне, и, наконец... записка, которую дал Жэнь Цзышань, которую он еще не открыл.

Почему он так рискованно передал ему записку? Что-то, что нельзя было сказать позже? Передал у ворот дворца, значит, это касалось того, что произойдет после входа во дворец. Что? Дело Наньчэна! В деле Наньчэна что-то не так!

— Сын... сын... — Тан Цзиньюю нужно было время, чтобы подумать, поэтому он сделал вид, что

испуган.

Действительно, император сказал:

— Не торопись, говори медленно, подумай, прежде чем говорить.

Тан Цзиньюй выиграл немного времени, чтобы быстро обдумать ситуацию.

Жэнь Цзышань передал сообщение, значит, это было сообщение от управляющего. Управляющий хотел сказать ему что-то важное, касающееся Наньчэна. Управляющий должен был знать все его действия, кроме... его внезапного решения пересмотреть дело.

Решение было принято поспешно, и управляющий, возможно, еще не получил письмо, или получил. Если получил, то эта записка могла быть предупреждением, чтобы остановить его. Но... характер управляющего разве позволил бы ему остановить его от правильного поступка?

Если не получил, управляющий знал, что он собирается осудить Цзян Лоу, зачем тогда отправлять сообщение? Тоже чтобы остановить его? Почему? Даже если это было бы осуждение, разве нельзя было подождать, пока он вернется?

Значит, это было срочно. Что же было срочным?

Подождите, только что император, похоже, вообще не знал о первом докладе...

А когда он защищал Цзян Лоу, император не проявлял никакого гнева.

Где же первый доклад?

Может...

В голове Тан Цзиньюй быстро возникла смелая догадка.

Он посмотрел на императора и решил рискнуть!

С грохотом Тан Цзиньюй опустился на колени.

Почти со слезами на глазах он произнес:

— Отец! Отец, сегодня сын просит тебя, даже если это вызовет твой гнев, выслушать меня.

Он трижды поклонился, словно приняв важное решение.

— Отец, я был в Наньчэне так долго, и действительно не слышал ничего о том, что господин Цзян угнетает народ. Я слышал только о мире и благополучии в Наньчэне, о хорошей погоде и урожаях. Отец, я привез подписанное жителями Наньчэна коллективное прошение, подтверждающее невиновность господина Цзяна. Прошу тебя, рассмотри его.

Тан Цзиньюй посмотрел на императора, затем опустил голову и с дрожью в голосе добавил:

— Я знаю, о чем ты думаешь, отец. Ты, вероятно, считаешь, что семья Цзян могущественна и прошение может быть подделано, но, отец, подумай: семья, подавшая жалобу, недавно исчезла. Они подали жалобу, чтобы получить справедливость, но как так получилось, что справедливости еще нет, а они уже исчезли? Это странно.

<http://bllate.org/book/16654/1526032>